

Н. Е. ОНЧУКОВ

УСТНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ¹

Публикация В. И. Жекулиной

Статья «Устная словесность нашего времени» написана Н. Е. Ончуковым, уже имевшим на своем творческом счету три сборника: «Печорские былины», награжденные малой золотой медалью Русского географического общества (далее: РГО) (1904 г.), «Северные сказки», отмеченные большой золотой медалью РГО (1908 г.), и «Северные народные драмы» (1911 г.). Дореволюционный период творчества собирателя был очень плодотворен: кроме названных крупных изданий в журналах «Живая старина», «Сын Отечества», «Северный курьер», «Новое время» публикуются статьи и очерки Н. Е. Ончукова по материалам, собранным им во время фольклорных экспедиций на Низовую Печору, Мезень, в Олонецкую губернию (Петрозаводский, Пудожский, Каргопольский, Повенецкий уезды), Поморье и Архангельскую губернию.

Статья «Устная словесность нашего времени» написана уже после прихода большевиков к власти и отражает состояние общества и настроение народа, оказавшегося свидетелем и участником событий, перевернувших всю привычную российскую действительность. Работа написана на 22-х ветхих узких полосках-бланках чернилами, иногда поверх типографского текста с правками более позднего времени и без даты. На обороте листа 5 другими чернилами сделана вставка с указанием на то, что «первоначально статья была написана в Перми в 1922 г.»²

Летом этого года Н. Е. Ончуков по заданию Восточносибирского отдела РГО побывал в этнографической экспедиции в Забайкалье. В пре-

¹ РГАЛИ. Ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 55. Автограф. Черновик с правками.

² Вставка другими чернилами на обороте 5-го листа: «Первоначально статья была написана в Перми в 1922 г. Тогда я совершенно не имел под руками печатных материалов, и я хотел ограничиться своими собственными записями совр(еменного) фольклора. По переезде в Петерб(ург) оказалось, что кое-что уже напечатано, и для полноты картины я позволю делать извлечения из уже написанного, главн(ым) обр(азом) приводить примеры из своего собрания. Само собой разумеется, что и свои записи не могу печатать целиком: для этого еще в пределах России не наступило время.

дисловии к дневнику путешествия по Ангаре и Забайкалью он сообщил, что «записи чисто фольклорного материала были <...> ничтожны, но общие наблюдения быта и жизни новы <...> и ярки».³

С осени 1922 г. Н. Е. Ончуков живет в Перми⁴ и работает преподавателем на кафедре русского языка педагогического факультета Пермского университета.

Летом 1923 г. он побывал в экспедиции в Чердынском крае с конкретным заданием — приобрести предметы народного быта для Московской сельскохозяйственной выставки. Отчет о поездке был опубликован в «Пермском краеведческом сборнике» в 1924 г. Материалы экспедиционных поездок 1922 и 1923 гг. и были использованы ученым в статье «Устная словесность нашего времени».

Окончательный ее вариант, публикуемый ниже, предположительно относится к 1925—1926 гг., периоду, когда Н. Е. Ончуков, переехавший в декабре 1924 г. в Петроград, сначала становится внештатным сотрудником в научно-исследовательском Институте сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока, а затем преподавателем фольклора на факультете языкознания и материальной культуры Ленинградского государственного университета, выполняя одновременно обязанности секретаря в фольклорной секции «Живая старина». В эти годы одна за другой выходят его статьи, заметки и рецензии по фольклору в журналах «Краеведение», «Сибирская живая старина», «Уральское краеведение»: «Что и как записывать по народному творчеству» («Краеведение». 1925. № 3—4. С. 269—284); «Заметка об изучении народного ораторского искусства» (Там же. 1925. № 1—2. С. 166—176); рецензии на III—IV выпуски «Сибирской живой старины» (Там же); рецензия на «Руководство для собирания произведений устной словесности» Б. М. и Ю. М. Соколовых, и другие.⁵

Петербургский период, когда была окончательно оформлена публикуемая статья, являлся наиболее интенсивным и счастливым в творческой судьбе Н. Е. Ончукова. В фольклорной секции «Живая старина» при Институте сравнительного изучения литератур и языков объединились этнографы, фольклористы, лингвисты, востоковеды, историки: В. М. Жирмунский, Л. В. Щерба, Л. Я. Штернберг, Е. Ф. Карский, П. К. Симони, В. И. Чернышов, А. И. Никифоров и многие другие ученые. Общение с ними, участие в заседаниях секции, сотрудничество со Сказочной комиссией РГО — все это происходило регулярно. Как пишет Н. Е. Ончуков в заметке «Изучение фольклора», «интереснейшие заседания Сказочной комиссии проходят через две недели в кабинете неприменного секретаря Академии Наук С. Ф. Ольденбурга, и на них кроме

Материал расположен у меня не по форме, а хронологически, начиная со времени войны. Получается впечатление некоторой беспорядочности, зато видно, как отр<ажается> изв<естное> время в фольклоре и всяких формах».

³ РГАЛИ. Ф. 449, оп. 1, ед. хр. 36, л. 1.

⁴ Подробную биографию ученого см.: Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова // Изд. подг. В. И. Еремина и В. И. Жекулина. М., 1996. С. 5—41.

⁵ Подробнее см. раздел «Приложение 4» — «Основные даты жизни и творчества Н. Е. Ончукова» в сборнике: Неизданные сказки из собрания Н. Е. Ончукова / Сост. В. И. Еремина, В. И. Жекулина. СПб., 2000. С. 473—476.

петербургских ученых непременно бывают и все приезжие ученые».⁶ На этих заседаниях обсуждались издательские программы, разрабатывались планы экспедиций, изучались процессы, происходящие в устном народном творчестве в новых послереволюционных условиях жизни в России. Н. Е. Ончуков был непременным активным участником всех заседаний.

Интерес к современному творчеству проявился и в преподавательской деятельности Н. Е. Ончукова. В 1929-м—1930-х гг. Ончуков проводил семинары и практические занятия после лекций профессора В. А. Келтуялы. Сохранились темы зачетных семинаров для студентов III—IV курсов Ленинградского государственного университета. Общая тема семинара — «Советская современность в русском фольклоре»: 1. Современность в сказках; 2. Современность и народная драма; 3. Следы современности в обрядах; 4. Современность и причитания; 5. Опыты собирательства фольклора в Ленинграде; 6. Городской фольклор: модные песни, куплеты, блатная поэзия, «Ванька» (ГБЛ. Ф. 369, картон 399, ед. хр. 13, л. 5).

В программе семинаров для III—IV курсов Ончуков пишет: «Ленинград изобилует современным фольклором. Здесь распеваются частушки, современ(енные) песни, куплеты, показ(ывается) на рынках новый Петрушка — „Ванька“, создаются и живут легенды, без сомнения рассказыв(ваются) с блатным налетом современные сказки. Т(аким) обр(азом) вторая часть семинара будет частью практической, а весь семинар будет иметь краеведческий уклон» (Там же. Л. 12).

Особенное удовлетворение как преподаватель Ончуков получал от занятий с III курсом, и в отчете заведующему кафедрой устной словесности и древней письменности В. А. Келтуяле он пишет: «Так, студент Ершов доклад, сделанный по моему указанию — „Песни Сытного рынка“, сделал по живому материалу, т. е. по песням, собранным им самим на Сытном рынке в Ленинграде. Доклад настолько нов по своему материалу и интересен по существу, что его следовало бы напечатать, по крайней мере в газете, тем более что область городского фольклора, „фольклора улицы“, совершенно не разработана, а она привлекает к себе все большее и большее внимание» (Там же. Л. 6).

Результаты наблюдения Н. Е. Ончукова за состоянием современного фольклора и были изложены им в публикуемой статье.

УСТНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Пережитая Россией Европейская и Гражданская война, конечно, не могла не отобразиться в устной народной словесности. Это отображение получилось очень разнообразным, захватывая решительно все сферы происходящего, по-своему откликаясь на все события, по-своему их характеризую. К одним событиям народ отнесся положительно, к другим отрицательно, но спокойно, даже эпически спокойно, просто «констатируя факт», запечатляя

⁶ РГАЛИ. Ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 14, л. 3.

их злой остротой или хлесткой шуткой и остроумным анекдотом, а иные события — мистической легендой.

Приводимые ниже образцы народной словесности характерны и важны: они рисуют психологию самых широких кругов страны во время войны и революции и как бы фотографируют понимание и отношение к ним этих широких кругов. Но надо условиться. До сих пор термин «устная словесность» был неразрывен с термином «народная». Теперь не то. Термин «народ» в данном случае я расширяю. В творчестве устной словесности нашего времени участвуют, творят нынче устную словесность решительно все и, по-видимому, главн(ым)-то образом не крестьяне, а в большинстве именно жители городов, всех состояний и социальных положений. Да и представители всех этих многообразных прежде социальных подразделений не превратились ли действительно нынче в просто — «народ»? После Октябрьской революции рушилась сословная перегородка, и хотя у множества людей и остались старая психология и чувства, но условия жизни их в огромн(ом) большинстве совершенно изменились. Уже с первых месяцев Европейской войны и для дворян, и для купцов, и для богатых и бедных — сначала общая однообразная жизнь на позициях. Затем после революции — конфискация имущества, беженство в Сибирь, имущественные потери и всеобщее обеднение и пр(очее). Все это нивелировало множество людей, прежде так резко различавшихся друг от друга своим экономическим положением, а в зависимости от этого и своим бытом, психологией и идеологией. На положении народа, т. е. крестьян, и даже часто в деревенской обстановке оказались дворяне, офицеры, купцы, городская служилая интеллигенция. Все они фактически превратились в «народ» и отчасти сами в некоторой степени, иногда значительной, невольно проникались народной психологией, отчасти довозвышали до себя ту деревенскую народную среду, от которой еще недавно они так резко отличались и в которую совсем неожиданно для себя попали. В результате получился какой-то социальный сплав, которому, м(ожет) б(ыть), еще рано делать строго очерченное определение, ибо ведь всколыхнувшийся революцией народный океан все еще не вошел в свои берега и теперь происходит как бы мертвая зыбь. И какова будет нормальная спокойная поверхность этого народа-океана предсказать (*зачеркнуто два слова*) преждевременно и пока рискованно. Теперь пока только можно выявить занимавшие это народное море мысли, взгляды, определения и отношение к происходящим событиям.

Великую революцию вызвала великая Европейская война. Война с первых же моментов своих поразила народное воображение и сейчас же стала отображаться в устной словесности. Образцы устной словесности я приведу сначала о войне, причем вперед должен оговориться, что в свое время я не задавался со-

бирательскими целями в этой области и мои записи носят лишь случайный характер и уж, конечно, ни в какой мере не исчерпывают всего многообразия отображений русской словесности на происходившие чрезвычайные события.

Первоначально статья была написана в Перми в 1922 г. Тогда я совершенно не имел под руками печатных материалов, и я хотел ограничиться своими собственными записями советского фольклора. По переезде в Петербург оказалось, что кое-что уже было напечатано, и для полноты картины я позволю делать извлечения из уже написанного, главным образом приводить примеры из моего собрания. Само собой разумеется, что и свои записи не могу печатать целиком: для этого еще в пределах России не наступило время.

Материал расположен у меня не по форме, а хронологически, начиная со времени войны. Получается впечатление некоторой беспорядочности, зато видно, как отражается извечное время в фольклоре и всяких формах.

Частушки — это всего чаще встречающееся проявление народного творчества. Частушки уже не раз появлялись в печати и царского времени, а затем и в красной печати. Были напечатаны и заплачки на проходы новобранцев (И. И. Ульянов в «Н(овом) Вр(емени)» за 1915 и 1916 гг.).⁷

Но народ выявил себя во время войны еще и в песнях, легендах, анекдотах, загадках, пословицах, поговорках, остротах и пр. Образцы, какие у меня есть, я предлагаю ниже.

Как воевали англичане

В начале войны у англичан почти не было солдат, и они очень долго решительно ничем не проявляли себя в сухопутной войне. В русской армии сейчас же решили, что это очень тонкий народ, — хочет победить немцев чужими руками, руками русских. Появилась острота, будто бы англичане говорили: «Мы в этой войне будем бороться до последней капли крови ... русского солдата».

О дворе, Николае Николаевиче и Распутине

С первых же месяцев войны стали ходить упорные легенды о сношении супруги Николая 2-го Александры Федоровны с германским двором с целью продать Россию немцам. Николай рисовался

⁷ Обряд(овые) причитания при проходах солдат на войну. Петроград, 1915.

в легендах как патриот, во что бы то ни стало решившийся довести войну до победного конца.

Наследник Алексей рисовался в положении между двух стульев, и на этот счет ходило немало острот. Вот одна из них:

«Не знаю, как мне и быть, — будто бы говорил Алексей-наследник, — когда русские немцев бьют, — мама плачет. Когда немцы русских бьют, — папа плачет».

Распутин, его отношение ко двору и особенная близость к царице и сильное влияние на нее особенно охотно трактовались. Дело доходило до мистики. Напр⟨имер⟩ писали столбиком:

Романова
Александра
Своим
Поведением
Уронила
Трон
[Императора]
Николая
2-го.

Читали первые буквы каждого слова, выходило — «Распутин». Перевертывали 2-го, выходил и твердый знак — эффект был полный. В этой шутке досужего ума усматривали уже нечто мистическое. Если Распутина представляли ярым сторонником и даже вдохновителем Александры Федоровны, германофилом, имевшим сношение с германским двором и даже получавшим оттуда темные деньги, зато дядя государя Николай Николаевич рисовался как неподкупный горячий патриот.

На этой почве между Ник⟨олаем⟩ Ник⟨олаевичем⟩ и Распутиным происходили столкновения.

Напр⟨имер⟩, Гр⟨игорий⟩ Распутин возымел желание «съездить в армию благословить народ», но не решался сделать это без разрешения Верховного Главнокомандующего Н⟨иколая⟩ Н⟨иколаевича⟩. Посылает Н⟨икола⟩ю Ник⟨олаевичу⟩ телеграмму: «Ваше императорское величество, разрешите приехать в армию, благословить народ». И сейчас же получает по телеграфу ответ: «Приезжай. Выпорю. Николай».

Есть варианты этой легенды. За неимением места ограничиваюсь приводимым, хотя даже в моих чисто случайных записях (на фронте и даже близко к нему я не был) легенды касаются царя и царицы, царя и Ник⟨олая⟩ Ник⟨олаевича⟩, интендантов и Ник⟨олая⟩ Ник⟨олаевича⟩, Мясоедова, Вильгельма, дочерей царя и пр⟨очее⟩.

Солдаты в это же время на позициях слагали свои солдатские песни, частушки и пр⟨очее⟩.

Частушки же во множестве слагались в деревнях девицами, оставшимися без своих миленков — женихов. В частушках этих

не только лирически изливались сердечные чувства к «миленочкам», но и наводилась критика на все и вся, не исключая самых высоких материй.

Но вот революция. Она еще больше поразила народное сознание, и в результате — самое разнообразное отображение ее с различных точек зрения в устной словесности.

Уже война выбила народ из привычной колеи, обыденной жизни с ее мелкими интересами и дешевым довольством, разлучила с родными, милыми, дорогими сердцу; затем пошла дороговизна, всевозможные лишения, неуверенность в завтрашнем дне. И отношение народа к революции в это время совершенно отрицательное, резко гневное, больше — ироническое.

Напр(имер), слово «товарищ» — начали шутливо уверять происхождение от «товар ищи»; слово «республика» — от «резать публику»; «РСФСР» расшифровывали как — «распустили солдат фронта, собрали разбойников» — это относилось ко времени бытности еще Красной гвардии, в составе которой действительно не в редкость были преступные элементы, нередко своими эксцессами раздражавшие народ.

Были шуточные расшифровки этой же формулы и мягче: «РСФСР — ржаные сухари — фунт сто рублей». Это когда пошла дороговизна. Дороговизна, все возрастающая, конечно, задевала народ, была объектом постоянных разговоров и обсуждений и в большей степени вместе с другими причинами влияла не только на народную психологию, но и на политическую идеологию, заставляя с умилением вспоминать самые времена, которые еще так недавно озлобленно ругали.

Напр(имер): «Как царил Николашка-дурак (дурачок), белый хлеб был пятак (пяточок), а теперь социальная республика — белый хлеб стал три рублика». (Записано вскоре после октябрьского переворота).

Или: «При дураке Николашке были белые калабашки, а теперь новый режим — голодные лежим». Вариантов подобного существует много.

Вначале от революции многие совершенно растерялись. Вот настроение деревенских девиц, ждавших с войны с «германом» своих миленочков:

Я сидела на заборе
С революцией во взоре,
Прокламацию читала,
Ничего не понимала.

Но частушки отмечают и другое отношение к ходу вещей:

Раз, два — мимо нас
Пролетела птичка.

Мой миленок — большевик,
А я большевичка.

Гражданская война расслоила народ. Вот чаяния стороны с «белым» настроением:

Я на бочке сижу,
А под бочкой мышка,
Если белые придут,
Коммунистам крышка.

Любопытно, что этот сюжет бытовал на огромном пространстве. Приводимую частушку я записал в Сарапуле. Можно было услышать ее и в Пермской губ(ернии). То же самое почти записано мною в Иркутске и в виде частушки, и уже в такой форме: «Ангара встанет — большевиков не станет». На Байкале: «Байкал встанет — большевиков не станет».

Как и в солдатских песнях старого и нового времени фигурировали персонажи (Скобелев, Чернядев, Гурко и пр(очие), Колчак, Деникин, Семенов и пр(очие)), так и новая частушка революционного времени не бедна персонажами.

Например:

Троцкий лыка нам нарежет,
Ленин лапти наплетет,
Красну армию обует,
На Деникина пошлет.

Или:

Я на бочке сижу,
А под бочкой каша,
Ленин Троцкому сказал:
«Вся Россия наша».

А вот частушка, записанная в Иркутске:

Большевики, большевики,
Что вы натворили:
Школу юнкеров сожгли,
Второва разбили.

Или:

Ты разлейся, Ангара,
Вы раздайтесь, лодочки, —
За Байкалом-то свистят
Семеновские плеточки.

Или:

Бела армия в тайге
Орехи добывает.

Гражданская война, военный коммунизм, всеобщая разруха, тиф, голод, разверстка и пр(очие) великие тяжести революционного времени остались неоправданными в глазах рядового обывателя. Обыватель думал, что всего этого могло бы и не быть, что тяжести жизни исходят едва ли не исключительно от злоупотреблений, взяточничества, фактического неравенства и проч(его). Так как евреи играли крупную роль в революции, то многие обывательские беды обывательской мыслью, не отрешившейся еще от старых предубеждений, стали приписываться исключительно евреям. Возрождался антисемитизм, совсем было исчезнувший во времена Керенского и в начале Октябрьской революции. На почве антисемитизма создавалось и ходило множество легенд, анекдотов, острот, пословиц, поговорок и пр(очего). Напр(имер).

Моисей и Илья

Русские, чтобы навести порядки в своей земле и испробовав все средства, обратились в конце концов на небо, к святым. Представители, снабженные мандатами, явились на небо и сначала обратились к Илье-пророку. Пожаловались. «Вполне вам сочувствую, — ответил Илья, — и помог бы. Но посудите сами, — как я к вам поеду, ведь у вас моих коней реквизируют, хотя они у меня красные. Нет, не поеду, боюсь».

Тогда обратились к Моисею. Тот внимательно выслушал и ответил: «Понимаю вас, но почему вы ко мне обратились — не понимаю. Ведь вы же сами говорите, что мой-то народ живет в России хорошо, в довольствии! Обратитесь к своему Николе что ли ...».

Когда кончилась война с Польшей и появились слухи о контрибуции с России, сейчас же пошли гулять и остроты, что Польша согласна мириться с нами, если мы согласны дать ей в виде контрибуции «комиссара не еврея, коммуниста, но честного и русского не дурака».

Обвиняя других, вновь испеченный русский гражданин, а в сущности все еще российский обыватель, не щадил и себя. Так, он острил: «Чем держится советская власть?» И отвечал: «Советская власть держится еврейскими мозгами, мадьярскими штыками и русскими дураками».

Чрезвычайные события повели к сильному развитию мистики в обществе, каковой и прежде было довольно. Усиленно читалась Библия и в особенности некоторые пророчества. Напр(имер), про-

рока Даниила, где мечтавшие о возврате монархии смаковали место о царе Михаиле, уверяя, что тут говорится именно о Михаиле Романове. Любопытно, что на почве чаяния скорого возврата монархизма появилось, так сказать отпрыгнулось, старое русское явление — самозванщина: кажется, в Бийске (на Алтае) почтовый чиновник 20 лет вздумал выдать себя за наследника Алексея Романова. Его скоро арестовали (дело было еще при Колчаке), но монархические чаяния пошли гулять по всей Сибири, разумеется в известн(ой) среде.

Чаяния близости конца мира и скорого наступления царства Антихриста, жившие у нас до этого только среди наших старообрядцев и только лишь в крайних беспоповщинских сектах, теперь эти чаяния вспыхнули с новой силой уже среди самых широких кругов общества. Как в свое время в Петре I, а потом в Наполеоне мистики «угадывали» Антихриста, так теперь целых двух антихристов сразу некоторые любители усматривали в Ленине и Троцком. Это положение мистики старались даже доказать. В 20—21-е гг. в Иркутске, а м(ожет) б(ыть) и в других городах, носились со следующим: из 15 спичек, сложенных соответств(ующим) образом, выходит пятиконечная звезда. Из этих же 15 спичек выходит число 666. В имени и фамилии «Владимирь Ленинъ» также 15 букв. Вывод: пятиконечная звезда — «число зверино»: 666 и «Владимирь Ленинъ» содержат одно и то же количество знаков. Ясно, что Вл(адимир) Ленин — Антихрист.

В Иркутске и вообще в городах и селах около этого города можно было наблюдать особый расцвет мистики. Не проходило ни одного более или менее значительного общественного явления, чтобы оно не преломилось в обывательском мозгу в своеобразном мистическом освещении. Напр(имер), в Иркутске был арестован епископ Зосима. В тюрьме он, смалодушествовав, заявил, что выходит из монашества, а когда был освобожден, действительно снял сан и женился.

И вот среди публики появились рассказы двух священников одного из близких к Иркутску уездов о своих снах, а в снах этих еще задолго до снятия Зосимой сана предвещалось об этом событии. В свое время священники «не поняли» своих вещей снов и только теперь уразумели в чем дело.

Особенно расцвету мистицизма в Иркутске способствовало крупное местное событие — вскрытие мощей местного угодника святителя Иннокентия, давно и усиленно чтимого в Восточной Сибири. Вскрытие мощей раскололо общество на два лагеря: одни после вскрытия, не видя полной нетленности мощей, разуверились и в святости еп(ископа) Иннокентия, и в мощах вообще; другие, наоборот, — еще больше укрепились в вере и еще более нафантазировались. Целую неделю почти огромная волна народа непрерывной лентой тянулась из Иркутска в монастырь, в 4-х верстах

от города, чтобы посмотреть на вскрытые мощи. Целую неделю обывательская мысль была занята исключительно этим событием. В результате немало рассказов о чудесах у мощей, об обращении к вере коммунистов и пр⟨очее⟩ и пр⟨очее⟩. Напр⟨имер⟩, уверяли, что бывший во главе комиссии по вскрытию мощей коммунист, небрежно постукавший пальцем по черепу мощей, сошел с ума и отправлен в Омск. Рассказывали о красноармейце, посмеявшемся над мощами в монастыре: когда он возвращался в Иркутск, попал в полынью, стал тонуть, взмолился к св⟨ятителю⟩ Иннокентию, спасся и обратился к вере.

Очень красочно и с большими подробностями рассказывали о студентке, которая была в монастыре и посмеялась над мощами. Ночью к ней явился Иннокентий и погрозил пальцем. От испугу студентка закричала, а когда зажгли огонь, чтобы ее разбудить, то увидели, что огромная крыса чуть не откусила студентке нос. В результате опять обращение к вере. Мистически настроенный обыватель в деревне ли, в городе стал чрезвычайно легковверен и за сущую правду признавал что угодно. В Иркутске я лично встречался с одним стариком-плотником, по-видимому иоанитом. Он уверял меня, что во время смерти Иоанна Кронштадтского «своими глазами» видел, как душа И⟨оанна⟩ Кронштадтского вознеслась на небо, а также, что он частенько разговаривает с местными святыми — св⟨ятителем⟩ Иннокентием и св⟨ятителем⟩ Сафронием.⁸

Народом вспоминались старые, забытые, было, рассказы, которым теперь придавали новое освещение и глубокий смысл. Напр⟨имер⟩, в гор⟨оде⟩ Лисовске⁹ на Байкале от старика, уроженца Симбирской губ⟨ернии⟩, из ссыльных, я слышал такой рассказ: «Время это было предсказано старцем, который жил у нас в барском Ознобишенском лесу. Старец говорил, что царя в 17 году стряхнут с престола, будет великая война, будут драться не только на земле, но и в воде, и в воздухе. „Ты, парень, — говорил мне старец, — доживешь (а мне было тогда 12 лет). Будет великая война, и пойдет брат на брата, будет великий голод и мор. Церковь будет унижена и верных останется мало, всего 2 тысячи человек, но ты, парень, никакую веру ни хуль — один Бог знает, какая вера лучше. По прошествии 3½ лет неверных будут истреблять отовсюду“. Барин Ознобишин был фармазон (франк-массон) и деревянную церковь разломал и сжег в кирпичном сарае. Старцу было тогда 130 лет. До 70 лет он работал в деревне как обыкновенный крестьянин, а затем спасался в лесу, но барин Ознобишин под конец его из лесу выгнал».

⁸ Зачеркнутый Н. Е. Ончуковым абзац: «И я до сих пор не решил — мистик ли этот старик и его действительно посещали видения, т. е. он галлюцинирует, или он просто плут, не без выгоды для себя дурачит посещавшую его публику».

⁹ Трудно читаемое слово.

В Иркутске рассказывали о каком-то старце-прорицателе в Чите, который «уже совершенно и точно» предсказывает события, которые должны свершиться в самом недавнем будущем.

«Святые» появились не только среди русских, но и среди бурят. Вот что я вычитал уже в сибирских газетах еще при Колчаке. В одном из бурятских улусов Копсальской (*нрзб.*) вол⟨ости⟩ Верхоленск⟨ого⟩ уезда появилась святая бурятка и творила чудеса: напр⟨имер⟩, ситцевые материи, надетые на нее, превращались в шелковые и т. д. Так как к этой бурятке потянулись из окрестностей паломники и повезли ей деньги, и гл⟨авным⟩ обр⟨азом⟩ золото и серебро, то начальник милиции 2 уч⟨астка⟩ выехал в улус для «проверки случая». По выяснению оказалось, что отец девицы-бурятки известн⟨ый⟩ аферист и ловко морочил доверчивую публику — инородцев.

Таковы в главных чертах и очень немногих примерах отображения устного народного творчества за последние годы. Памятники этого творчества следует тщательно собирать, записывая решительно все. Потом эти записи будут неоценимым материалом для изучения народной психологии и идеологии нашего замечательного времени.